

Ю. Л. Кузнецова, Е. В. Рахилина

*Арктический университет Норвегии, Тромсе,
НИУ ВШЭ — ИРЯ РАН, Москва*

ДЕПИКТИВЫ ОКАЗАЛИСЬ УДИВИТЕЛЬНЫМИ¹

1. Введение

В этой статье речь пойдет о русской **депиктивной конструкции** (DepC) с прилагательным в творительном падеже — мы рассмотрим ее, как это обычно делается в литературе по русистике (см., например, [Зельдович 2005]), на фоне ближайшего квази-синонима, а именно **атрибутивной конструкции с согласованным определением** (AgrC). Принято считать, что эти две конструкции очень близки друг другу семантически, но существенно различаются в том, что касается ограничений на наполнение, — собственно, это и составляет в данном случае суть обсуждаемой лингвистической загадки. Начнем с «классических» примеров, иллюстрирующих наши конструкции (эти примеры приводятся без ссылок); по возможности мы будем расширять материал за

¹ Работа была выполнена в рамках проекта РГНФ 14-04-00264 и Программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика» (проект «Развитие корпусной грамматики русского языка» 2012–2014). В кратком варианте идеи этой статьи были изложены по-английски в [Kuznetsova, Rakhilina 2010]; значительно более полная версия уже по-русски представлена в сборнике [Рахилина 2010]. После этих публикаций результаты работы обсуждались на конференции ICCG-6 (Карлов университет, Прага), посвященной грамматике конструкций, и в рамках нескольких учебных курсов. Мы благодарим всех участников этих обсуждений за исключительно ценные советы, способствовавшие появлению у авторов новых аргументов и устранению многих неточностей в этом варианте статьи. Далее, мы провели дополнительные статистические исследования, полностью подтвердившие прежние результаты; эти статистические исследования более подробно описаны в [Kuznetsova 2013a, 2013b]. Мы благодарим рецензентов статьи за полезные и конструктивные комментарии, которые мы постарались учесть. Все ошибки и недочеты остаются на совести авторов.

счет данных, полученных нами исследованием НКРЯ². Первые пять предложений (1)–(5) демонстрируют DepC:

- (1) *Я же предпочитаю **есть** фрукты_{ACC.PL} **свежими**_{INS.PL}, прямо с дерева, **разумеется** выплевывая косточки.* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975–1977)]
- (2) *Эдуард_{NOM.SG} **рос** **застенчивым**_{INS.SG} и **нервным**_{INS.SG}.* [Владимир Абаринов. Хайль Виндзор! // «Совершенно секретно», 2003.07.04]
- (3) *Он_i_{NOM.SG} **встретил** его_j_{ACC.SG} **пьяным**_{i,j}_{INS.SG}.*
- (4) *Старшая дочь, когда **подросла**, уговорила мать **устроить** ей встречу с отцом. Михаил **встретил** ее **пьяным**_{INS.SG}, **говори**л ерунду. Больше у дочери **желания** видеть папу не **возникало**.* [Еженедельная газета «Мещерская сторона» www.mesherka62.ru/rubrics/detail/section139/id920/]
- (5) *Переехал к ней по весне, и вот уже **встречаю** его **пьяным**_{INS.SG}, а ее с **фингалом**.* [А пес ее знает... // Вечерний Северодвинск 17 мая 2005 г.]

Предложения, подобные примерам (1)–(5), обычно приводят, когда обсуждают депиктивные конструкции. Далее мы покажем, что для полноценного анализа депиктивных конструкций необходимо расширить определение депиктивной конструкции и, соответственно, список примеров, подпадающих под это определение. Доводы в пользу такого решения приводятся в разделе 1.1.

Депиктивная конструкция включает в себя подлежащее в именительном падеже³, глагол: переходный, как в (1), или непереходный, как в (2), — и прилагательное в творительном падеже. При переходных глаголах помимо подлежащего есть еще и прямое дополнение в винительном падеже, и такие контексты создают дополнительную коллизию: падеж прилагательного (творительный) не совпадает ни с одним из падежей существительных (именительный и винительный), и в подходящем семантическом

² Национальный корпус русского языка: www.ruscorpora.ru.

³ Оказионально определение в творительном падеже встречается и в контексте безличной конструкции, однако такие примеры очень редки и для простоты не рассматриваются.

контексте у прилагательного есть возможность интерпретироваться как несогласованное определение и к тому, и к другому, как в примере (3). Этот пример интересно сравнить с примерами (4) и (5), в первом из которых прилагательное в творительном падеже понимается как определение к субъекту, а во втором — как определение к объекту.

Мы будем сравнивать DerС с «атрибутивной конструкцией», которую мы будем обозначать как AgrС. Поскольку мы будем сравнивать параллельные употребления этих двух конструкций, нас будут интересовать такие атрибутивные конструкции, которые состоят из подлежащего в именительном падеже, переходного с прямым дополнением (6) или непереходного (7) глагола и следующего после объекта (или, в случае отсутствия объекта, непосредственно после глагола) прилагательного. Здесь прилагательное согласуется по падежу, принимая, соответственно, форму именительного (7) или винительного (6) падежа, а значит, семантически соотносится либо с субъектом, либо с объектом⁴, — и не может иметь две интерпретации сразу, ср. пару (8)–(9):

- (6) <...> они **ели** оленину_{ACC.SG}, **свежую** _{ACC.SG} или **вяленую** _{ACC.SG}, одевались с ног до головы в оленьи шкуры, спали на полу, застланном такими же шкурами, обеспечивавшими тепло и сухость, и даже чумы свои строили из оленьих шкур. [Александр Городницкий. «И жить еще надежде» (2001)]
- (7) Ребенок_{NOM.SG} **рос нервный** _{NOM.SG}, просыпался от каждого шороха, не говоря уж... [Аркадий Инин. Секс как таковой (1989)]
- (8) Он_i встретил его_j **пьяный** _{*i,j NOM.SG}.
- (9) Он_i встретил его_j **пьяного** _{*i,j ACC.SG}.

⁴ Примеры атрибутивной конструкции, в которых прилагательное согласуется не с субъектом и не с объектом, а с каким-то иным синтаксическим элементом, по своей семантике не отличаются от примеров, которые мы описываем. Однако, так как в фокусе данной статьи находится сравнение DerС и AgrС, такие примеры далее рассматриваться не будут.

В общем виде структуру этих конструкций можно представить в виде следующих таблиц, отражающих их внешнее сходство (см. Схема 1).

Схема 1. Структура конструкций

DepC				AgrC			
X _{NOM}	V	(Y _{ACC})	A _{INS}	X _{NOM}	V	(Y _{ACC})	A _{NOM/ACC}
<i>Он</i>	<i>ел</i>	<i>фрукты</i>	<i>свежими</i>	<i>Он</i>	<i>ел</i>	<i>фрукты</i>	<i>свежие</i>

Пары (1)–(6), (2)–(7) и (3)–(8/9) свидетельствуют о возможности тождественного лексического наполнения конструкций и их общей семантической близости: с ходу определить разницу в значении между этими предложениями не так-то просто. Тем более интересны случаи, когда DepC и AgrC оказываются не взаимозаменяемыми. Обычно их исследование ведется с одной из двух позиций: синтаксической или семантической. Наш собственный анализ мы начнем с того, что покажем, почему традиционная постановка задачи в формально-синтаксическом подходе искусственным образом сужает рамки рассматриваемого явления, и приведем аргументы в пользу расширения этих рамок, а затем кратко опишем, какие семантические параметры предлагаются для описания двух конструкций.

1.1. Проблемы формально-синтаксического подхода

Формально-синтаксический подход представляет недавняя статья [Bailyn 2001]. Дж. Бейлин считает, что выбор между согласуемой и несогласуемой формой падежа прилагательного обеспечивается исключительно синтаксическими факторами, таким образом в рамках этого подхода получается, что семантически эти конструкции тождественны и что разница в значении возникает между ними только в тех случаях, когда обе формы синтаксически возможны.

С точки зрения подхода теории грамматики конструкций (в английской терминологии Construction Grammar, далее: CxG — см. подробнее [Fillmore 1989; Goldberg 1995, 2006] и мн. др.; см. также наш обзор [Рахилина, Кузнецова 2010]), такая «расщепленная» природа правил для этой зоны представляется мало естественной. Описание выглядело бы более цельным, если бы предлагало единую систему закономерностей независимо от того, есть

ли у говорящего выбор между двумя конструкциями или такого выбора у него нет. Причем раз даже в концепции синтаксиста-Бейлина есть зона, для которой релевантны семантические противопоставления, следовательно, такого рода единые правила, конечно, будут иметь семантическую, а не чисто синтаксическую (как он полагает) основу — к доказательству этого мы приступим в разделе 2.

Впрочем, данное возражение имеет довольно общую, философскую природу — а есть и другие, более практические. Например, следующее. В рамках синтаксической модели, которую защищает Дж. Бейлин, DerC и AgrC являются результатом синтаксической деривации: использование в них прилагательных есть продукт вторичной предикации, надстроенной над первичной, представленной глаголом. Это значит, что каждое предложение должно иметь исходную структуру с одной главной предикацией, как (11) для (10):

(10) *Иван Иванович пришел трезвым*_{INS.SG}, {постоял там у дверей и, слегка смущаясь, решительно отказался вступить в КПСС}. [Артем Тарасов. *Миллионер* (2004)]

(11) *Иван Иванович пришел.*

Ср. здесь пример (12), у которого нет пары, подобной (11), так как (13) грамматически неправильно:

(12) <...> *фельдшер казался равнодушным*_{INS.SG}. [Василь Быков. *Болото* (2001)]

(13) **Фельдшер казался.*

Следовательно, (12), в отличие от (10), результатом синтаксической деривации считаться не может, а значит, при таком подходе нет возможности объединить эти случаи. Таким образом, синтаксисты, изучая депиктивы, не рассматривают предложения типа (12). Между тем в русистике есть и другая традиция, в рамках которой предложения типа (10) и предложения типа (12) рассматриваются как примеры одной конструкции, см., например, [Guiraud-Weber 1993; Гиро-Вебер 1996; Руде 2005]. Более того, если пытаться описать депиктивы с точки зрения грамматики конструкций, между этими двумя случаями нельзя провести

строгую границу: как мы покажем в этой работе, сравнение примеров (10) и (12) обнаруживает в них множество общих свойств, как семантических, так и сочетаемостных, и существенно продвигает анализ материала: получается, что гораздо выгоднее признать эти случаи представляющими одну, а не разные конструкции. В результате, мы рассматриваем оба класса примеров вместе, потому что в рамках используемой нами теории нет возможности их разделить. Общность этих двух классов примеров кажется нам не случайной, а, наоборот, глубинно важной для описания того, как устроена депиктивная конструкция. Примеры типа (12) значительно более частотны, а значит, являются более центральными для рассматриваемой конструкции. Получается, что при традиционном определении лингвисты пытаются описать периферию конструкции, не описав предварительно ее центральные употребления. Наша цель — изменить эту практику и описать сначала центральные значения депиктивной конструкции и только затем перейти к периферийным значениям. В результате наш набор примеров существенным образом отличается от традиционно описываемых примеров депиктивов, однако такой выбор — это только результат последовательного применения теории грамматики конструкций.

1.2. Опыт семантического подхода

Если рассматривать семантический подход к описанию депиктивов в целом, то он апеллирует к семантике прилагательных, опираясь на идею, предложенную еще в 60-е годы В. И. Борковским и П. С. Кузнецовым, о том, что конструкция с творительным падежом предполагает «возникший и проявляющийся в течение определенного отрезка времени», а не постоянный признак, — см. [Борковский, Кузнецов 1965/2004: 335], а также [Nichols 1981; Strigin, Demjanow 2001; Timberlake 2004] и др.⁵ В формальной семантике этому противопоставлению соответствуют термины *stage-level predicates*, в противовес *individual-level predicates*; в русской терминологии — стадияльные и индивидные предикаты⁶.

⁵ Некоторые работы — М. Гиро-Вебер или Г. Зельдовича — вытекают из этого ряда, см. ниже.

⁶ Такая терминология была впервые предложена в работах Г. Н. Карлсона [Carlson 1977, 1980]. Заметим, что в традиционной руси-

Имеется в виду, что предложения типа *он увидел его чистым* (временный, или стадильный признак) более естественны, чем *он увидел его деревянным* (постоянный, или индивидный признак). В целом это наблюдение верно, хотя, как видно уже из парных примеров (1)–(7), в которых фигурируют одни и те же прилагательные, такое описание все же требует уточнений; кроме того, важно, чтобы описание давало ключ к объяснению причин данного ограничения.

Некоторые уточнения этого общего правила предлагаются в работе [Hinterhoelzl 2001]: бинарное противопоставление *stage-level/individual-level* заменяется в этой работе на трехчленное по степени ограниченности признака (*boundedness*). Согласно [Hinterhoelzl 2001: 103], свойство Р признается ограниченным в том случае, если и до, и после него имеет место не-Р. В русском языке ограниченность диагностируется контекстами с *еще не* и *уже не*, и в результате автор получает следующие 3 класса прилагательных:

(а) прилагательные, способные употребляться в обоих контекстах, как *больной, пьяный, сердитый*, — они обозначают **ограниченный** признак: *еще не/уже не больной, пьяный, сердитый*;

(б) прилагательные, способные употребляться только в одном контексте, как *спелый, молодой*, — **частично ограниченные** признаки: ^{OK}*еще не спелый*, **еще не молодой/ *уже не спелый*, ^{OK}*уже не молодой*;

(в) прилагательные, не способные употребляться ни в одном из контекстов, как *умный, глупый*, — **неограниченные** признаки: ^{??}*еще не/??уже не умный, глупый*.

Автор считает, что принадлежность прилагательного к тому или иному классу коррелирует со способностью употребляться во вторичной предикации в исследуемых конструкциях: ограниченные возможны и в *DepC*, и в *AgrC*, частично ограниченные — в *DepC*, но не в *AgrC*, а неограниченные — ни в одной из них.

стике обычно говорят о качественных vs. относительных прилагательных (считается, что первые, в отличие от вторых, образуют степени сравнения и имеют краткую форму). Действительно, прототипические качественные прилагательные, такие как *чистый*, обозначают временный градуируемый признак, а прототипические относительные, как *деревянный*, — постоянный и неградуируемый.

По нашему мнению, классификация, предложенная Р. Хинтерхельцлем, безусловно, заслуживает внимания, даже и вне связи с рассматриваемыми конструкциями. Эта классификация является расширением для русского языка типологии прилагательных, обсуждающейся в [Cruse 1986] и исходно ориентированной на английский язык. Однако предложенное Р. Хинтерхельцлем правило все-таки не дает полностью адекватного результата. Возьмем хотя бы прилагательное *нервный* в примерах (2) и (7): в отличие от *пьяный*, см. (3) и (8)–(9), оно вряд ли может квалифицироваться как ограниченное, ср. ^{??}*еще не/уже не нервный*, а между тем оно допускает обе конструкции. Точно так же обе конструкции допускает и *свежий*, см. (1) и (6), при его явной семантической принадлежности к классу частично ограниченных: *уже не свежий* вполне допустимо, а **еще не свежий* крайне сомнительно. В то же время уточнения, которых Р. Хинтерхельцлю удалось добиться своей классификацией, по нашему мнению, могут быть объяснены и более общими эффектами, связанными с семантикой контраста, которая, как мы покажем, заложена в DerC (см. ниже раздел 2.1).

Хана Филип [Filip 2001] обратила внимание на то, что прилагательные, для которых естественно ожидать индивидуальной или стадияльной интерпретации, могут изменять свое значение под воздействием контекста. В частности, она обратила внимание на то, что индивидуальные прилагательные часто возможны в DerC, причем их интерпретация при этом меняется на стадияльную (т. е. они становятся качественными). Этот эффект она объясняет влиянием творительного, который в обычном случае и в сочетании с обычным для себя предикатом несет значение изменения [Filip 2001: 209]. Надо сказать, что такое объяснение лежит совершенно в духе логики CxG — несмотря на то, что Филип не принадлежит к ее сторонникам. Оно проливает свет на связь семантики DerC с другими конструкциями с творительным падежом (если, конечно, согласиться с тем, что общим значением русского творительного является значение изменения⁷) — или по

⁷ Другие точки зрения на значение русского творительного обсуждаются в [Якобсон 1936; Панов 1999; Wierzbicka 1980; Janda 1993; Рахилина 2000]; см. также ниже раздел 5.

крайней мере ставит такую задачу. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что простой аппеляции к семантике творительного падежа здесь явно недостаточно, поскольку одно и то же прилагательное оказывается приемлемо или неприемлемо в зависимости от лексического наполнения соседних слотов. Так, глядя на примеры (14), можно подумать, что приемлемость или неприемлемость примера зависит исключительно от глагола, в то же время примеры (15) иллюстрируют противоположный эффект: в них употреблен один и тот же глагол, и приемлемость (15а) и неприемлемость (15б) обусловлена прилагательным. Единственно возможный выход, на наш взгляд, — использовать в анализе и другие элементы конструкции — тогда появится возможность отразить в результирующем правиле все нюансы их взаимодействия.

(14а) **Дверь открылась железной/железная.*

(14б) *Дверь была железной/железная.*

(15а) *Поезд пришел переполненным/переполненный.*

(15б) **Поезд пришел железным/железный.*

Но такое решение отражает «оптимистический» взгляд на язык, заложенный, в частности, и в природе SxG , — он основан на убеждении, что различия квазисинонимов, в том числе квазисинонимических конструкций, мотивированы, а значит, разницу между депиктивами и атрибутивами можно описать. Однако есть и такие исследователи, которые придерживаются «пессимистического» взгляда — по крайней мере относительно различий между конструкциями, близкородственными $DepC$ и $AgrC$, а именно конструкциями с предикативными существительными, — причем опираются они на статистику. Так, в работе [Krasovitsky et al. 2008] общее правило зависимости выбора между творительным и именительным падежом предикативного существительного от значения временности/постоянства признака было проверено статистически на примере употребления с глаголом-связкой *быть*. По их данным, такая зависимость действительно хорошо прослеживается на текстах XIX века; в текстах же XX века они отмечают общую, причем, как им кажется, чисто синтаксическую тенденцию к перемещению всех употреблений, которым раньше была свойственна вариативность, в зону творительного падежа.

Мы предполагаем оспорить и эту точку зрения: случаи вариативности, как мы увидим, есть не только в примерах XIX в., но и в примерах XX в., а за экспансией творительного падежа стоят все-таки семантические, а не синтаксические факторы. Статистическое распределение падежей в конструкциях с предикативным существительным мы подробно рассмотрим в разделе 6.

1.3. Задачи данной работы

Теперь, после краткого обзора имеющихся на сегодняшний день описаний DepC и AgrC, приступим к их анализу в рамках CxG. Задачи наши будут такие:

(а) определить общее значение DepC так, чтобы оно предсказывало ее сочетаемостные свойства (раздел 2.1);

(б) показать значимость глагола для описания этой конструкции (раздел 2.2);

(в) сравнить ограничения, выявленные для DepC, с ограничениями на AgrC и описать значение AgrC (раздел 3);

(г) исследовать взаимодействие глагола и прилагательного в DepC и убедиться, что «поодиночке» ни свойства глагола, ни свойства прилагательного не могут объяснить особенностей ее функционирования (раздел 4).

(д) показать, что использование творительного падежа в депиктивной конструкции не случайно — депиктивную конструкцию и творительный падеж связывает общая семантика (раздел 5).

(е) исследовать статистическое распределение конструкций с предикативными существительными (раздел 6).

В результате мы хотели бы показать, что CxG дает существенные преимущества для анализа этих конструкций⁸.

⁸ В частности, как нам кажется, и перед «прагматическим» представлением (см. [Зельдович 2005]), согласно которому маркированным элементом в оппозиции DepC и AgrC является AgrC, в то время как DepC используется в контекстах, которые не требуют AgrC (ср.: «значение творительного падежа формируется отрицательным образом, т. е. он употребляется там, где говорящего что-то не устраивает в значении согласованной формы» [Зельдович 2005: 38]). Со своей стороны мы покажем, что и DepC, и AgrC обладают каждая собственной, присущей только ей семантикой, и выбор между DepC и AgrC задается семантическими предпочтениями каждой из конструкций.

2. Демпиктивная конструкция с творительным

2.1. Семантика конструкции и ограничения на прилагательные

Поскольку, согласно СхG, именно семантика конструкции полностью определяет ее лингвистическое поведение, мы начнем с того, что сформулируем общую идею, лежащую в основе значения DerC: ‘субъект, как в (2), или объект, как в (1), в момент, описываемый предикатом V, характеризуется некоторым временным значением неустойчивого признака A’.

Обратим внимание, что, хотя мы и используем понятие временного признака, предложенного еще В. И. Борковским и П. С. Кузнецовым (и тем самым до некоторой степени соглашаемся с ними), наше определение существенно отличается от введенного ими тем, что речь здесь идет не об ингерентном свойстве прилагательного, а о семантике конструкции в целом. Как мы увидим, такое уточнение в корне меняет дело, поскольку значение конструкции может формироваться не только за счет лексической семантики прилагательного, но и за счет семантики других, соседних с ним элементов конструкции или ее ближайшего контекста.

Временность значения A может возникать по одной из двух причин: либо ввиду контраста с прошлым — т. е. с его обычным, ожидавшимся значением, — либо ввиду контраста с последующей ситуацией, в которой значение признака аннулировалось, изменившись на противоположное, ср. пример (16) и две его интерпретации, соответственно, (а) и (б)⁹:

(16) *Ребенок пришел чистым:*

(а) ‘До этого он приходил/пришел грязным’. (контраст с ожиданиями)

(б) ‘Пришел-то ребенок чистым, но говорящий сейчас видит его уже грязным’. (контраст с последующей, уже наступившей ситуацией)

Если рассматривать с точки зрения этого условия прилагательные разных семантических классов, то, действительно, ему прекрасно соответствуют стадильные прилагательные (такие как

⁹ Как мы увидим далее, в определенных контекстах возможен и еще один тип контраста — «контраст миров», подробнее см. 2.2.

голый, пьяный, сердитый, больной и под.), потому что они обозначают признак, который легко меняет значение, а исходная семантика прилагательных, которые относят к индивидуным, такова, что они плохо удовлетворяют такому значению конструкции, потому что они описывают постоянный признак. Сказанное согласуется с общетипологической картиной для депиктивных конструкций: как отмечается в [Himmelman, Schultze-Brendt 2005], стадийные прилагательные встречаются в них много чаще, чем индивидуальные, ср. [Stump 1985] об английском, [Ardid-Gumiel 2001] об испанском, [Barbiers 2000] о нидерландском.

Заметим, что предлагаемый в работе [Hinterhoelzl 2001] тест на «семантическую пригодность» прилагательного основан на ясном языковом критерии (конструкции *еще не* и *уже не*), который можно использовать для того, чтобы проверить возможность интерпретаций типа (а) и (б), ср. (17):

- (17) *Из ванной Олег вышел чистым и белым, словно статуя Давида в Пушкинском музее.* [Александр Михайлов. Капкан для одинокого волка (2001)]

Это предложение содержит пресуппозицию ‘а вошел туда (т. е. был раньше) грязным и черным’; здесь можно добавить наречие *уже*, ср.: *вышел уже чистым* — значит, в данном случае это интерпретация (а), противопоставляющая настоящее состояние предыдущему. Поскольку в принципе (хотя и с большими затруднениями) в том же контексте допускается и наречие *еще*, ср.: *Из ванной Олег вышел еще чистым и белым* (‘а потом стал грязным и черным’), можно заключить, что интерпретация (б) не запрещена, а значит, прилагательные *чистый* и *белый* являются ограниченными признаками. Аналогичным образом в примере (18) мы имеем дело с ограниченным признаком *инертный* — в этом предложении реализуется интерпретация (б): бывшая сначала инертной публика постепенно начнет с интересом следить за исполнительницей.

- (18) *Постепенно я приходила к убеждению, что петь нужно только о том, что у тебя болит или что тебя очень радует. Когда ты искренне об этом поешь — публика, какая бы она ни была, поймет тебя. Сначала она **будет инертной**. Это надо не заметить — «гореть» дальше. А потом*

публика станет с интересом следить за тобой. [Людмила Гурченко. Аплодисменты (1994–2003)]

Иначе ведет себя *длинный* в (19а)–(19б):

(19а) *Из ванной вышел длинный подросток.*

(19б) **Из ванной он **вышел длинным***¹⁰.

Действительно, в понимании Р. Хинтерхельцля, *длинный* является неограниченным признаком (**еще не/ *уже не длинный*) и не может иметь ни интерпретации (а), противопоставляющей признак последующему состоянию, ни интерпретации (б), противопоставляющей его состоянию предыдущему. Таким образом, в (16)–(19) тест Хинтерхельцля дает «правильные» результаты, однозначно предсказывая поведение прилагательных в нашей конструкции.

Тем не менее в связи с классификацией, предложенной в [Hinterhoelzl 2001], обратим внимание на два обстоятельства.

Первое касается языковых диагностик, которые так широко используются, в особенности в формальных подходах, в принципе часто дают сбои, и тест Хинтерхельцля не является здесь исключением, см. примеры (1) и (6) с прилагательным *свежий*. С точки зрения СхG это вполне понятно: диагностики — это своего рода «контрольные конструкции», а конструкции многофакторны, и в каждом случае диагностирования все ее компоненты вступают во взаимодействие с новыми лексическими элементами — трудно представить, чтобы для больших классов слов (в нашем случае — прилагательных) результат был совершенно одинаковым.

¹⁰ Из 23 опрошенных носителей русского языка 20 признали этот пример не вполне удовлетворительным, из них 7 — полностью неприемлемым, а 13 — сомнительным. Единственная возможная интерпретация, предлагавшаяся информантами, сводилась к тому, что за время нахождения в ванной человек каким-то образом смог подрасти, — тем самым даже тогда, когда «неправильный» пример признавался «правильным», это происходило потому, что говорящий переводил прилагательное *длинный* из класса постоянных в класс временных признаков — в точном соответствии с общим правилом.

Второе замечание касается взаимодействия диагностики с внешним по отношению к диагностируемому контекстом. Критерий Хинтерхельдцля ориентирован только на изолированное прилагательное, взятое вне контекста. Однако признак может поменять статус с временного на постоянный и наоборот под влиянием контекста, т. е. объекта, к которому данный признак применен, — значит, роль контекста существенна. Например, в предложении (20) контекст играет важную роль.

(20) *Домой ребенок пришел несчастным.* [Н. Чередова. Школьная краля // «Сельская новь», 2003]

Как уже обсуждалось выше, прилагательное *нервный* невозможно поместить в контекст *уже не* или *еще не*: однако контекст позволяет употребить это прилагательное в депиктивной конструкции. В примере (17) *белый* используется как **контекстно-временный** признак, притом что в большинстве случаев, по видимому, цвет объекта является, скорее, постоянным и неограниченным, а не временным (и ограниченным), ср. *еще/уже белая бумага/красный флаг/синий ковер* и др.

Все сказанное касалось «вклада» прилагательных в семантику депиктивной конструкции и в целом (с некоторыми важными, на наш взгляд, уточнениями) повторяло уже известные результаты. Между тем «вклад», который вносит в семантику DepC глагол, до сих пор почти полностью игнорировался — за редким исключением (см. прежде всего работы М. Гиро-Вебер, которых мы коснемся ниже); по нашему мнению, задача его описания не тривиальна и требует подробного обсуждения¹¹.

2.2. Ограничения на глагол

Если согласиться с предложенным выше значением депиктивной конструкции и считать, что DepC вводит субъект или

¹¹ Ср. здесь пронциательное замечание, сделанное А. Никунласси: «Излагая мнения о существовании у ТП [творительного падежа] значения изменения признака или состояния субъекта во времени, ученые упускают из виду тот факт, что проявление этого значения или, точнее говоря, проявление такого прочтения или интерпретации в определенной степени зависит от значения глагола, а также значения предикативного имени» [Никунласси 1993: 84].

объект с врёменным признаком, то как естественное следствие такого определения нужно принять и то, что наиболее прототипическими для DerС являются не предложения типа (1)–(10) — *рос застенчивым, пришел пьяным* и под., которые традиционно рассматриваются в лингвистических работах, посвященных депиктивной конструкции в русском языке, — а примеры типа (12) — *Фельдшер казался равнодушным*, — которые, напротив, было принято не включать в рассмотрение как не представляющие собой случай вторичной предикации. Между тем именно эти примеры — в которых прилагательное невозможно опустить — оказываются прототипическими для DerС в принятом здесь понимании, потому что, во-первых, они наиболее частотны по данным корпуса, а во-вторых, именно в этих примерах семантика главного предиката близка к семантике DerС. Предикаты в этой группе примеров имеют обязательную валентность на признак с переменным значением и представляют один из четырех классов глаголов: двух непереходных и двух переходных, которые можно назвать каузативами к первым.

Особую роль именно глаголов с обязательной валентностью на признак при описании прилагательных в предикативной позиции отмечала М. Гиро-Вебер (см. [Guiraud-Weber 1993; Гиро-Вебер 1996]; детальное изложение ее точки зрения содержится также в статье [Руде 2005]). Она считала их связочными, т. е. семантически не автономными, поскольку сопровождающий их зависимый именной элемент обязателен и не подлежит устранению, ср. ее пример: *он оказался жестоким* → **он оказался*. При подходе М. Гиро-Вебер одновременно рассматриваются сразу все способы маркирования прилагательного в предикативной позиции: творительный или именительный падеж полной формы, распределение которых нас здесь и интересует, и наряду с ними краткие формы прилагательного. Для того, чтобы описать дистрибуцию этих конструкций, автору достаточно опираться на синтаксические свойства определенных классов глаголов, прежде всего — на их поведенческое сходство с основной русской связкой *быть* (см. ниже Отступление). Нам те же глаголы интересны еще и с точки зрения их более детального семантического представления, потому что, по нашему мнению, в правиле выбора DerС задействованы их лексико-семантические свойства.

Отступление

В этом отступлении мы хотели бы чуть подробнее остановиться на очень любопытном и нестандартном подходе М. Гиро-Вебер, цитированные работы которой не всегда доступны читателю. Следуя пронизательным идеям своего учителя, П. Гарда, М. Гиро-Вебер утверждает, что в одном и том же языковом срезе могут сосуществовать сразу две модели данного языкового фрагмента: уходящая, принадлежащая к прошлому временному срезу языка, и более современная, актуальная для нового поколения носителей языка. Такой современный, когнитивный взгляд на синхронное языковое описание был сформулирован Гардом довольно давно (см. прежде всего [Garde 1988]) и затем применен Гиро-Вебер к некоторым фрагментам русской грамматики, в частности к предикативным прилагательным. Согласно идее Гиро-Вебер, в русской предикативной зоне действуют две модели: устаревшая и новая. Определения этих моделей опираются на классы предикатов: бытийного предиката в разных словоизменительных формах, **связочных** (с обязательной валентностью на признак, таких как *казаться*) и выступающих как **оказиональные связки** (с факультативной валентностью на признак, таких как *прийти*). Основная тенденция, замеченная автором, состоит в постепенном вытеснении кратких форм полными, причем стадии сужения сочетаемости кратких форм не одновременно преодолеваются разными группами связочных предикатов. На фоне этого глобального изменения сдвиги в выборе между творительным и именительным не так заметны. Выводы здесь основаны исключительно на синтаксическом взаимодействии предиката и типа оформления имени (ср.: «с оказиональными связками ⟨...⟩ чаще всего употребляется ИМ» [Гиро-Вебер 1996: 77]) и, как кажется, нуждаются в уточнении семантических условий, к обсуждению которых мы и переходим.

Итак, дальше речь пойдет о связочных глаголах (по Гиро-Вебер), или (в нашей терминологии) глаголах с обязательной валентностью на переменный признак.

Непереходными глаголами с валентностью на переменный признак являются глаголы **мены состояния**, такие как *стать*, см. (21), и глаголы **оценочного** (т. е. не точного, не буквального) **восприятия действительности**, такие как *казаться*, *считаться* или *представляться*, см. (22)–(23):

- (21) *Держать на огне, пока подливка не **станет** однородной.*
[Рецепты национальных кухонь: Франция (2000–2005)]

- (22) Проблема, которая **кажется** неразрешимой, исчезнет сама, если проявить выдержку и спокойствие. [Твой городок // «Даша», № 10, 2004]
- (23) Сбор лечебных трав, в этот день особенно полезных и душистых, был обязательным. Травники, знахарки, целители умудрялись собирать их на целый год. Даже роса в этот день **считалась** лечебной: избавит от любых болячек на лице. [Тверской Иван Купала // «Народное творчество», № 1, 2004]

В обоих случаях связь семантики глагола с общим значением конструкции довольно прозрачна. Действительно, для предикатов изменения состояния соответствующее свойство или состояние является обязательным участником обозначаемой ситуации и заполняет обязательную синтаксическую валентность на признак. Эта валентность, в полном соответствии с условиями DerC, выражается творительным падежом, ср. в (21) *станет однородной*. Сам глагол требует, чтобы этот признак был переменным — т. е. чтобы он появлялся или исчезал, — и это также в точности соответствует семантике DerC, в рамках которой такое изменение интерпретируется как контраст между исходной (начальной) и измененной (конечной) ситуацией, ср. в (21): ‘до t_1 : подливка неоднородна’ => ‘ t_0 — t_1 : держали на огне нужное количество времени’ => ‘после t_1 : подливка однородна’.

У глаголов оценочного восприятия валентность на признак тоже обязательна — она вводит воспринимаемый образ, ср. *казаться неразрешимой* в (22) и *считаться лечебной* в (23), и тоже выражается творительным. Неустойчивость признака здесь столь же необходима, только связана она не с временным контрастом (т. е. контрастом между настоящим и прошлым или будущим состоянием описываемого объекта), а с контрастом (его можно было бы назвать «контрастом миров») между тем образом ситуации, который возникает в восприятии говорящего, и тем, какова эта ситуация на самом деле: предикаты этого типа предполагают обязательную дистанцию в мировосприятии говорящего от реального мира или возможной другой точки зрения. Так, в примере (20) говорится, что проблема **кажется** неразрешимой, и тут же выясняется, что на самом деле она разрешима, нужны

лишь выдержка и спокойствие; в примере (21) роса, выпавшая в день Ивана Купалы, **считалась** лечебной, но ясно, что так считают не все, а только знахарки и целители, отмечающие этот день как особенный. Как видим, дезавуирование субъективной оценки не просто имплицитно предполагается, но часто происходит эксплицитно, в пределах того же или соседнего предложения.

Каузативными коррелятами к глаголам только что описанных классов являются, соответственно, глаголы **каузации мены состояния**, например *сделать*, см. (24), и глаголы **мнения**, например *считать*, см. (25):

(24) *Это сделало их знаменитыми.*

(25) *Я считаю его легкомысленным.*

Легко видеть, что и здесь в обоих случаях есть валентность на признак с переменным значением, которая, как и ожидается, требует творительного падежа. В случае с каузацией мены состояния вводится результирующий признак, как и в некаузативных коррелятах типа *стать*, ср. в (24): ‘до t_1 : не знаменитый’ => ‘ t_0 — t_1 : каузация’ => ‘после t_1 : знаменитый’. Согласно ставшим уже классическими толкованиям и определениям (см. подробнее [Арутюнова 1989; Апресян (рук.) 2003; Апресян 2009; Анна Зализняк 2006] и мн. др.), у глаголов мнения этой валентностью вводится образ, навязываемый ситуации воспринимающим ее субъектом, но не обязательно совпадающий с истинным (ср. здесь некаузативные корреляты типа *казаться*). Таким образом, если, как в (25), вершинным является глагол мнения (*считать*, *полагать*, *верить*, *думать* и под.), то говорящий подчеркивает, что реальное значение признака может отличаться от того, которое введено этим предикатом: ‘я считаю его легкомысленным, {но другие не считают, и есть вероятность, что он не является таковым}’.

Как видим, глаголы всех только что рассмотренных нами групп жестко навязывают обязательному для них признаку свойство нестабильности, временности, склонности к перемене значения — т. е. те самые характеристики, которые уместны и востребованы в контексте DepC. А значит, действительно у нас есть все основания считать их прототипическими предикатами для DepC.

Между тем в контексте этой конструкции встречаются и непрототипические предикаты. М. Гиро-Вебер называет их **окациональными** связками. Такие предикаты не имеют обязательной валентности на признак, эта валентность при них факультативна, так что они могут употребляться «изолированно», без всякого признака, ср.: *он рос послушным* vs. *он рос*, ср. также выше пару (10)–(11). Следовательно, синтаксически они устроены иначе, чем глаголы изменения состояния, оценочного восприятия или мнения. Но семантически они к ним очень близки, потому что, как и глаголы основных — прототипических — групп, содержат либо идею изменения ситуации, как *начать* (26) или *задушить* (27), либо идею восприятия, как *видеть* (28) или *встретить* — при акценте на воспринимаемый зрительный эффект (30)=(3), а значит, имеют возможность выразить при себе признак, причем переменный:

- (26) *Измаяли меня эти долгие поиски. Я начал их молодым, богатым, здоровым, а кончаю больным, полунищим, и хоть лет мне не так уж много — кто же назовет меня «еще молодым человеком»?* [А. В. Амфитеатров. Жар-цвет (1895)]
- (27) *Лучше бы я задушил тебя маленьким.* [Вячеслав Дурников. Внутренний мир (2002)]
- (28) *Я говорю: «необычное», потому что не помню, чтобы когда-нибудь видел отца смущенным.* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

Любопытно, что переходные глаголы с обязательной валентностью на признак допускают только один способ его интерпретации — как свойство прямого объекта, ср. (29), тогда как глаголы с факультативной валентностью способны иметь два понижения: либо носителем признака является объект, либо им является субъект, ср. (30)=(3):

- (29) *Он_i считал его_j пьяным_i.*
(30=3) *Он_i встретил его_j пьяным_{i,j}.*

В теоретическом плане такая асимметрия в поведении этих групп глаголов может служить дополнительным аргументом в пользу того, чтобы признать первые прототипическими для

DepC, а вторые — нет, поскольку, как известно (ср., например, [Bybee 2007]), вариативность является свойством скорее периферии, нежели центра.

Еще одно различие между прототипическими и непрототипическими глаголами состоит в том, что первые, концентрируя идею изменения и контраста в собственной семантике, не устанавливают строгих ограничений на исходное значение прилагательного, допуская не только временные (stage-level), но и постоянные свойства (individual-level), см. похожие замечания в [Filip 2001]. Дело в том, что идея контраста между разными значениями признака, заложенная в их собственной семантике, настолько сильна, что в таком контексте практически любой признак переосмысливается как временный. Так, глагол изменения состояния *выйти* (в значении ‘получиться’ в ситуации создания нового объекта — например, вязания) прекрасно сочетается с постоянным для большинства предметов свойством размера (*длинный*), ср. (31а). В то же время, при непрототипическом *прийти* требуется признак непостоянный, ср. здесь прилагательное *переполненный* (31б):

(31а) *Носок вышел длинным: пришлось половину распустить.*

(31б) *Поезд пришел *длинным^{OK}переполненным.*

Точно так же глагол восприятия *казаться* легко допускает относительное прилагательное *деревянный*, играя на контрасте между иллюзорным и реальным образом кувшина, а непрототипическое *покрасить* — нет, см. (32б):

(32а) *⟨...⟩ сухой заплесневелый кувшин, кажущийся деревянным, как перезрелая дыня, какими полон сад.* [Николай Климонтович. Фотографирование и прочие Игры (1988–1990)]

(32б) **Он покрасил кувшин серебристым.*

Особого упоминания в этом контексте заслуживает глагол *быть*, который тоже способен вводить постоянный признак, как *деревянный* или *мудрый*:

(33) *Все остальные дома Ильинской, как Вы помните, были деревянными и все выгорели без следа.* [В. М. Глинка. Из неопубликованного (1976–1982) // «Звезда», 2003]

- (34) *Благодаря этому волосу ребенок **будет мудрым**, как сам Гай.* [Л. А. Чарская. Дуль-Дуль, король без сердца (1912)]

Обозначая неизменное состояние в настоящем времени, в прошедшем и будущем он может классифицироваться как глагол изменения состояния (признака), потому что форма прошедшего времени означает, что этот признак больше не существует в данном значении, а форма будущего — что такое его значение пока не имеет места. Тем самым в этих формах глагол *быть*, в полном соответствии с семантикой DerC, противопоставляет прошедшее тому, что имеет место сейчас, или настоящее тому, что наступит потом. И, что интересно, именно в этих формах он управляет творительным падежом, вводя DerC: глагол-связка в настоящем времени не сочетается с формами творительного падежа, ср.:

- (35) **Все остальные дома Ильинской, как Вы помните, **деревянными/есть деревянными***¹².
- (36) **Благодаря этому волосу ребенок **мудрым/есть мудрым**, как сам Гай.*

Непрототипические глаголы допускают почти исключительно прилагательные со значением переменного признака. Именно за счет таких прилагательных можно обеспечить соответствие сочетания в целом семантическим условиям DerC. Собственное значение этих глаголов, в отличие от прототипических, недостаточно, чтобы реинтерпретировать в контексте DerC постоянные признаки как переменные, ср. (37)–(40):

- (37) *Он **написал** эту работу **молодым**.* (переменный признак)
- (38) *?? Он **начал** эту работу **рыжим**.* (постоянный признак)
- (39) *Чаще всего дрова **продаются сырыми**.* (переменный признак)
- (40) **Чаще всего дрова **продаются березовыми**.* (постоянный признак)

¹² Примеры с ненулевой связкой приводятся, чтобы продемонстрировать, что запрет на употребление DerC с настоящим временем не связан с формой связки.

Что касается глаголов других типов, не связанных с идеей изменения, имеющих принципиально иные семантические характеристики (и не способных перестроить свою семантику таким образом, чтобы стать максимально похожими на прототипические классы), то они недопустимы в контексте DerC, потому что их семантика не провоцирует контраста. Таковы, например, переходные глаголы с презумпцией существования субъекта (в мире или перцептивном пространстве субъекта сознания) типа *вертеться*, *существовать*, *весить* или *ухмыляться*, ср. (41)–(43):

(41) *Собака *вертелась* вокруг нас *тощей*.

(42) ??*Наши соседи существовали* *голодными*.

(43) **Староста ухмылялся* *плутоватым*.

Не провоцируют контраста и переходные глаголы воздействия, не связанные с созданием нового объекта, как *читать* (*читал книгу *толстой/ *интересной*), *открывать* (*открыл дверь *тяжелой/ *тугой/ *сырой*), *трогать* (*тронул ее руку *холодной/ *больной/ *нежной*) и др.

Итак, подводя итоги нашего анализа депиктивной конструкции, мы можем сказать, что главное для нее — это возникновение некоторого значения признака, составляющего контраст с другим допустимым для него значением. Возможность такого контраста достигается, так сказать, совместными усилиями глагола и прилагательного. В простом, прототипическом случае выбирается глагол изменения состояния или оценочного восприятия, который, как было показано, целиком обеспечивает соответствие этой пары семантике DerC независимо от того, какое используется прилагательное. В непрототипическом — семантика глагола связана с изменением состояния или восприятия в более слабой степени, и тогда требуемый DerC контраст между разными значениями признака обеспечивается за счет прилагательного — уже не любого, а обозначающего переменный признак.

Теперь посмотрим, насколько ограничения, действующие для DerC, действуют и для ее ближайшего лингвистического конкурента — AgrC.

3. Конструкция с согласованным определением

Прежде всего определим общее значение конструкции AgrC: по нашему мнению, она означает применение к объекту некоторого признака. AgrC, так же как и DerC, может описывать контраст, и тогда мы обнаруживаем сходство в поведении AgrC и DerC.

В то же время, если в значении DerC контраст акцентируется и, как мы видели, является обязательным, в семантике AgrC главное — факт приписывания признака, создания связи между признаком и объектом. Это различие хорошо иллюстрирует пара (44) и (45), в которых воспроизводятся фрагменты примеров (1) и (6).

(44) *Я же предпочитаю **есть** фрукты **свежими**, прямо с дерева.*

(45) *Они **ели** оленину, **свежую** или **вяленую**, одевались с ног до головы в олени шкуры.*

В обоих случаях используется один и тот же глагол *есть* и одно и то же прилагательное *свежий*. При этом в первом примере из пары речь идет о свежих фруктах (т. е. только что сорванных — *прямо с дерева*), в противоположность несвежим, лежалым. Во втором примере, где речь идет об оленине, просто указывается признак, имеющийся у этого объекта (*свежая*), не только без контраста, но даже в сочинении с другим, противоположным значением признака (*вяленая*). Таким образом, основное различие между DerC и AgrC в том, что для DerC идея противопоставления, по сути дела, является главной, а для AgrC она несущественна.

В соответствии с общей концепцией SxG, семантика конструкции должна мотивировать ограничения на возможности ее лексического наполнения, т. е. в данном случае на прилагательные и глаголы. Начнем с прилагательных. Рассматривая DerC, мы видели, что семантические ограничения лучше всего видны в примерах с глаголами, не имеющими валентности на признак, поэтому при анализе прилагательных мы сфокусируемся на примерах с этими глаголами. Раз суть AgrC в том, что объекту действительности приписывается некоторый признак, ясно, что этот признак не может быть его постоянным свойством (individual-level) и, следовательно, описывает переменную характеристику, ср. (46):

(46) *Поезд пришел чистый/ *новый/ *длинный.*

Обратим внимание, что, хотя это обстоятельство естественно вытекает из всего только что сказанного и полностью подтверждается языковыми данными, оно совершенно игнорируется в имеющихся описаниях, которые делают акцент на предпочтениях переменного признака для DepC, имплицитно противопоставляя ее AgrC, но не замечают, что данное свойство верно и для AgrC (см., например, [Nichols 1981; Filip 2001; Strigin, Demjanow 2001]).

Теперь о глаголах. Как и у DepC, у AgrC есть прототипические и непрототипические глаголы. Однако если у DepC в класс прототипических входят две главные группы, а именно глаголы изменения состояния и восприятия (а также каузативы к ним), то для AgrC глаголы восприятия, в семантике которых так силен наблюдаемый контраст между разными значениями одного признака, запрещены, потому что эта конструкция, как мы помним, не предусматривает никакого противопоставления значений, ср.:

(47) **Дверь выглядит железная.*

Что касается глаголовмены состояния, то они в контексте AgrC допустимы, правда не все, а только те, которые не акцентируют контраст между начальным и результирующим состоянием, ср. (48) и (49):

(48) *Снежинки падали сладкие, пушистые и прежде, чем опуститься совсем, привставали на цыпочки.* [Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969–1981)]

(49) *Результаты получились неожиданные.* [Виктория Мусвик. Неделя 12.03–2002.03.18 // «Коммерсантъ-Власть», № 10, 2002]

В примерах (48)–(49) нет противопоставления двух ситуаций. В примере (48) речь не идет о противопоставлении двух случаев, в одном из которых снежинки пушистые, а в другом нет. Точно так же в примере (49) не противопоставляются два события — одно с ожидаемыми результатами, а другое с неожиданными. Если же глагол буквально сравнивает начальное и конечное значение признака, то такой глагол не возможен в AgrC, ср. пример (50), в котором текущая ситуация, в которой вербальное

общение является нужным, сравнивается с ситуацией в будущем, когда такое общение станет ненужным.

(50) **Вербальное общение делается ненужное.*

С точки зрения теории СхG важно, что в контексте AgrC наблюдается тот же эффект, что и в контексте DerC, — и, конечно, по тем же причинам семантической цельности конструкции: если у глагола есть валентность на признак, он безразличен к семантике прилагательного: допускаются как переменные, так и постоянные признаки, как в паре (51), ввиду того, что постоянные (51a) имеют возможность переинтерпретации как переменные (51б):

(51a) **Поезд пришел длинный.*

(51б) *Носок вышел длинный.*

Проблема взаимосвязанности ограничений на отдельные элементы конструкции настолько важна, что требует специального обсуждения. Ниже мы остановимся на ней подробнее на материале DerC.

4. Прилагательные и глаголы

Обычно ограничения на элементы конструкции формулируются в виде независимых правил, разрешающих или запрещающих употребление тех или иных лексико-грамматических классов в ее составе. Такой подход часто применяют при описании депиктивов, см., например, [Никунласси 1993] или [Gustavson 1976]. В первой работе выделяется 18 признаков, влияющих на выбор формы прилагательного, а во второй более 2800 таких признаков — все они признаются значимыми. Однако, по нашему мнению, DerC так описывать нельзя, — но не потому, что мы считаем, что какие-то из этих признаков нерелевантны, а потому, что они всегда взаимосвязаны — и как раз эти связи представляют, как нам кажется, главный лингвистический интерес.

Действительно, как мы уже не раз наблюдали, одни и те же глаголы и прилагательные могут и допускаться, и запрещаться этой конструкцией — в зависимости от контекста, ср. пары (14)–(15). Это, в свою очередь, объясняется тем, что общее значение конструкции складывается в результате их взаимодействия. Оно, как

мы видели, может «концентрироваться» в каком-то одном слоте, — и тогда ограничения на другие переменные ослабляются: прототипические глаголы допускают любые прилагательные, а прототипические прилагательные существенно расширяют класс допустимых глаголов. Однако в целом за счет такого «перераспределения» семантики главная идея конструкции — охарактеризованность объекта значением некоторого неустойчивого признака, которое противопоставлено другому его значению (исчезнувшему, ожидающемуся, возможному, реально существующему и под.), — сохраняется. Здесь уместно привести цитату из книги Ю. Д. Апресяна, в которой обсуждается совершенно та же проблема взаимодействия разных фрагментов конструкции на материале глагольного управления, т. е. пар глагол — существительное: «каждый класс глагольных значений требует особой классификации существительных, потому что различия между существительными, важные для одного класса глагольных значений, оказываются несущественными для другого и наоборот; ⟨...⟩ мир существительных предстает перед нами по-разному в зависимости от точки зрения, которую мы выбираем, а точкой зрения часто является узкий класс глагольных значений» [Апресян 1967: 233].

Впрочем, значение конструкции может «собираться» не только с опорой на ее внутренние элементы: в принципе, в каких-то случаях главную, конституирующую роль может сыграть и просто внешний контекст. Ср., например, (52)–(53):

(52) **Он построил дом круглым/деревянным.*

(53) *А вот в Иберии и повсюду на Британских островах дома строились круглыми...* [Стюарт Пиготт. Друиды. Поэты, ученые, прорицатели (2006)]

Вне контекста предложения типа (52) неприемлемы¹³. В то же время, если погрузить это предложение в контекст, который сам создает контраст, оно становится приемлемым¹⁴ — например,

¹³ В частности, по нашим данным, из 43 опрошенных 15 считают пример (52) грамматически неправильным и 23 — сомнительным.

¹⁴ Из 43 опрошенных 25 считают это предложение грамматически правильным, 17 — сомнительным, и только один из опрошенных считает это предложение грамматически неправильным.

в примере (53) (с тем же глаголом и с тем же прилагательным!) вводятся два вида контраста: между прошлым и настоящим и между Иберией и Британскими островами и другими местами.

Заметим, что на похожие случаи изменения сочетаемости конструкций обращала внимание и А. Голдберг: при описании дитранзитивной конструкции и конструкции пути в английском языке она отмечала случаи, когда невозможная в изолированном виде конструкция под влиянием объемлющего предложения «исправляется» [Goldberg 1995: 22, 171–172].

5. DepC и творительный падеж

Итак, мы решили поставленные задачи: определили общее значение DepC и доказали, что для полноценного описания свойств этой конструкции необходимо учитывать и семантику глагола, и семантику прилагательного, а также сравнили DepC и AgrC, убедившись, что вторая просто вводит новое значение признака для объекта, а первая вводит значение признака, обязательно противопоставляя его другому, «фоновому». Этим, как показывает наш анализ, объясняются и различия, и сходства в употреблении DepC и AgrC. Неясно одно: почему идея противопоставления разных значений признака оказалась выражена именно творительным падежом?

Как мы помним, Хана Филип [Filip 2001] связывала семантику творительного в DepC с идеей изменения, которая, по ее мнению, свойственна другим его значениям. Мы не можем с ней согласиться уже потому, что идея изменения, как становится ясно из приведенного анализа, не чужда и AgrC, ведь эта конструкция, как оказывается, тоже предпочитает и прилагательные переменного признака (stage-level), и даже глаголы мены состояния, если они не акцентируют контраст начального и конечного значения признака (см. раздел 3). Значит, за семантику изменения в DepC «отвечает» заведомо не творительный, а творительный падеж вносит в эту конструкцию какой-то другой вклад — какой?

Вернемся к паре конструкций DepC — AgrC. Как показано в разделе 3, ограничения на лексический состав AgrC довольно близки к ограничениям на состав DepC, — тем не менее в контексте AgrC невозможны глаголы зрительного восприятия (и кауза-

тивы к ним), которые являются прототипическим глагольным классом для DepC, ср.:

- (54) *В углу стояло и валялось несколько пустых бутылок, однако Тимоша не **выглядел пьяным**/*пьяный.* [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)]

Это обстоятельство не кажется нам случайным и, как представляется, может дать ключ к ответу. Дело в том, что в некоторых своих употреблениях русский творительный ясно связан с семантикой **наблюдаемого события** (подробнее см. [Рахилина 2000: гл. I, §5; Rakhilina, Tribushinina 2010])¹⁵. Особенно нагляден компонент зрительного восприятия в сравнительном значении: *лететь стрелой, лежать стопкой, пальцы веером* и под., где он служит важным семантическим условием, отделяющим конструкцию с творительным от квазисинонимичной ей конструкции с *как*. Творительный подчеркивает наблюдаемость ситуации, ее ясный зрительный образ, и поэтому способен передавать идею формы объекта, «недоступную» для сравнительной конструкции с *как*, которая в таких случаях полностью исключается: **лежать как стопка, *пальцы как веер*. И наоборот, если сравнение моделирует внутренние, а не внешние изменения, т. е. когда изменения ненаблюдаемы, говорящий выбирает конструкцию с *как*, а не конструкцию с творительным: *дрожит, как заяц*/*зайцем, *греет как печка*/*печкой, *тонет как топор*/*топором и под.

Кажется, что и при описании депиктивов можно было бы опереться на идею наблюдаемости, так свойственную творительному, тем более что часто, как в (55)–(56), депиктивная конструкция оказывается очень близка сравнительной, с существительным:

- (55) *Она **выглядела взрослой**.* (DepC)
 (56) *Она **выглядела старухой**.* (InsC)

¹⁵ Здесь мы решительно не согласны с Г. М. Зельдовичем, который, апеллируя к авторитету Р. О. Якобсона, утверждает, что, раз «творительный падеж — самый бедный по значению «немаркированный» [Якобсон 1936; Kilby 1986] (...) во многих случаях, в том числе и при предикативном употреблении (...) **никакого** своего значения у творительного падежа нет» [Зельдович 2005: 29] (выделение автора).

Депиктивная конструкция (DepC) и сравнительная конструкция с именной группой (InsC) различаются тем, что депиктивная конструкция вводит одно конкретное значение признака, лексически выраженное прилагательным (*взрослый*), а творительный сравнения — сразу целый набор признаков, которые характеризуют объект сравнения, выраженный существительным (*старуха*). Но и в том, и в другом случае признаки наблюдаемы, а предикаты описывают зрительное восприятие; пример (57) показывает, как близки эти конструкции: обе они используются для описания одного и того же объекта восприятия, буквально «через запятую».

- (57) *⟨...⟩ и я бил — в разные времена: и Шопенгауэром, и Ницше, и Соловьевым, и Марксом по тому, что мне казалось догматом, однолинейным, не диалектичным, статичным.* [Андрей Белый. На рубеже двух столетий (1929)]

Если признать контексты с предикатами зрительного восприятия центральными с точки зрения падежного маркирования, то другие разновидности DepC в этом смысле окажутся более периферийными для творительного падежа, потому что в них идея наблюдаемости проявляется косвенно — как побочный эффект противопоставления актуального значения признака фоновому. Действительно, в случае контраста значений переменного признака естественно, чтобы новое значение как-то проявило себя (по сравнению с тем, другим), и самое простое в таком случае — возможность зрительного восприятия его проявлений наблюдателем; интересно, что в примерах, иллюстрирующих употребление DepC (в том числе и в этой статье), как правило, такая возможность явно имеется, ср.: *он рос нервным/застенчивым/послушным; пришел трезвым/несчастливым; вышел чистым; подливка станет однородной, носок вышел длинным, ест фрукты свежими, начал роман молодым* и др.

Таким образом, если наша гипотеза верна, она объясняет, с одной стороны, предпочтение депиктивами предикатов зрительного восприятия, а с другой стороны, связь между семантикой контраста значений переменного признака в семантике DepC и формой творительного падежа, используемой в конструкции.

6. Диахроническое распределение конструкций

Вернемся к результатам статистического анализа, представленного в [Krasovitsky et al. 2008], которые мы выше (см. 1.2) обещали обсудить подробнее.

Начнем с уточнения: количественные данные, приведенные в [Krasovitsky et al. 2008], касаются не в точности наших конструкций — DepC и AgrC, — но конструкций, тесно с ними связанных, а именно: сравнительной конструкции с существительным в творительном падеже (InsC), которую можно иллюстрировать примером (58), и конструкции идентификации с существительным в именительном падеже (NomC), которая представлена в примере (59). Сравнить эти две конструкции естественно в условиях, когда они максимально сближаются. Это происходит в контексте связки *быть*, ср. (60):

- (58) *Первые сорок минут встречи Гольдберг разливался соловьём, щедро сыпал свой цветной бисер отнюдь не перед свиньёй...* [Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света // Новый Мир, № 8–9, 2000]
- (59) *<...> что сам он родом из Сибири, что папаша у него играл в футбол, а дедушка был учитель <...>.* [Евгений Попов. С чего начинается рассказ о князе Кропоткине (1970–2000)]
- (60) *Недаром он уже преподавал архитектуру студентам, сам был учителем.* [Александр Рубашкин. Володя, Алик, Геннадий. Вспоминая о цензуре... // «Звезда», 2003]

Мы исходим из предположения, что семантика и распределение InsC и NomC сходны с семантикой и распределением DepC и AgrC, и в этом разделе мы покажем, что статистическое распределение InsC и NomC может быть объяснено их семантической дистрибуцией.

Но сначала — о работе Красовицкого и его соавторов. В ней утверждается, что в современном русском языке между конструкциями InsC и NomC уже нет семантического распределения: конструкция с творительным падежом постепенно вытесняет из оборота конструкцию с именительным падежом, причем практически для всех существительных, за исключением небольшого подклас-

са (имен национальностей), этот переход уже произошел, так что конструкция с именительным падежом больше не используется.

Корпус, на котором основываются выводы работы [Krasovitsky et al. 2008], сравнительно небольшой. Авторы используют коллекцию художественных и публицистических текстов, собранную Адрианом Барентсеном (Университет Амстердама). Исследуются четыре периода: первая и вторая половина XIX века и первая и вторая половина XX века, — и каждый из периодов представлен максимум 500 примерами.

Мы хотели бы повторить это исследование на большем объеме данных, задействовав НКРЯ: по нашему представлению, слухи о смерти NomC сильно преувеличены.

Между тем само исследование, описанное в статье Красовицкого и его соавторов, довольно сложно: оно не сводится к простому соотносительному подсчету творительного и именительного. Авторы разделяют все существительные на несколько подклассов и утверждают, что диахроническая замена конструкции с именительным падежом конструкцией с творительным падежом происходила не одновременно для всех существительных, а затрагивала некоторые классы имен раньше, чем другие.

Во-первых, согласно [Krasovitsky et al. 2008], в рассматриваемых конструкциях по-разному ведут себя одушевленные и неодушевленные существительные. Неодушевленные существительные проявляют большее предпочтение InsC, в то время как одушевленные существительные в меньшей степени подвержены сдвигу NomC → InsC.

Во-вторых, среди одушевленных существительных предпочтение творительного падежа в предикативном употреблении зависит от наличия факторов, ограничивающих предикацию во времени, например наречий *уже*, *еще* или временных предложных групп (*в прошлом году*). Такие ограниченные во времени предикации с большей вероятностью оформляются при помощи InsC.

Разбиение имен на классы проводится на текстах, относящихся к первой половине XIX века. Неодушевленные существительные в этих текстах используются в InsC в 78% примеров, в то время как одушевленные только в 38% примеров. Если же разбить одушевленные существительные на те, которые употреблены в ограниченной во времени предикации, и те, которые упот-

реблены в неограниченной во времени предикации, то первые оформляются InsC в 57% примеров, а вторые — в 16% примеров. Одушевленные существительные, употребленные в неограниченной во времени предикации, согласно [Krasovitsky et al. 2008], подвергаются сдвигу NomC → InsC только во второй половине XX века (87% InsC).

Теперь попробуем повторить те же подсчеты на материале НКРЯ. В качестве примеров на первую конструкцию (InsC) найдем все предложения, содержащие последовательно:

- существительное в именительном падеже,
- связку *быть*
- и существительное в творительном падеже (без знаков препинания между ними).

В качестве примеров на вторую конструкцию (NomC) рассмотрим все предложения, содержащие последовательно:

- существительное в именительном падеже,
- связку *быть*
- и существительное в именительном падеже (также без знаков препинания между ними).

Выбранные таким способом примеры будут содержать некоторый «шум»; для того чтобы учесть количество примеров, действительно представляющих искомую конструкцию, использовалась аппроксимация, основанная на первых 100 примерах в выдаче¹⁶.

Уже Таблица 1, содержащая сводные данные по НКРЯ, заставляет задуматься. Действительно, согласно [Krasovitsky et al. 2008], процент современных употреблений NomC очень низкий, в то время как наши данные показывают, что NomC употребляется в полтора раза чаще, чем InsC.

Таблица 1. NomC и InsC — распределение существительных

S	InsC	NomC	% InsC
все существительные	14253	21121	40
одушевленные существительные	7633	9745	44

¹⁶ Подробнее о методе аппроксимации, использованном в данной работе, см. в [Kuznetsova 2013a, 2013b].

Кроме того, Таблица 1 показывает, что соотношение между предпочтениями одушевленных и неодушевленных¹⁷ имен в НКРЯ полностью противоположно предсказываемому в [Krasovitsky et al. 2008]: согласно НКРЯ, одушевленные имена, наоборот, чаще используются в InsC, чем в NomC. В рамках высказанных в данной статье идей такой эффект даже предсказуем: он возникает потому, что одушевленные существа в большей степени, чем неодушевленные объекты, подвержены изменениям, а значит, чаще употребляются в контексте контраста, для описания которого больше подходит InsC.

Теперь обратимся к диахроническому сдвигу, произошедшему между первой и второй половиной XX века, и сравним количество употреблений до и после 1950 г. (Таблица 2):

Таблица 2. NomC и InsC — все существительные: диахрония

S	InsC	NomC	% InsC
НКРЯ<1950	5485	15913	26
НКРЯ>1950	8318	8259	50

Из Таблицы 2 видно, что, хотя количество примеров InsC увеличивается (26% примеров InsC до 1950 г. и 50% InsC после 1950 г.), количество употреблений InsC не достигает 87%, указанных в работе [Krasovitsky et al. 2008]. Разница между этими периодами является статистически значимой — критерий Пирсона дает следующие результаты: хи-квадрат = 2431.18, $df = 1$, $P < 0.0001$. Однако известно, что в корпусной статистике этот эффект зачастую возникает исключительно за счет большого объема данных. Для оценки величины эффекта, не зависящего от количества данных, применяется коэффициент Крамера, который при значениях коэффициента между 0.1 и 0.3 указывает на небольшой эффект, при значениях между 0.3 и 0.5 на средний эффект и при значениях больше 0.5 на значительный эффект. В нашем случае коэффициент Крамера $V = 0.25$, что свидетельствует

¹⁷ Для определения одушевленности существительного использовались грамматические пометы НКРЯ: anim — маркирующая одушевленные существительные и inan — маркирующая неодушевленные существительные.

о том, что изменение в распределении NomC и InsC до и после 1950 г. было небольшим.

Диахроническое распределение одушевленных имен в NomC и InsC по НКРЯ представлено в Таблице 3:

Таблица 3. NomC и InsC — одушевленные существительные: диахрония

S: anim	InsC	NomC	% InsC
НКРЯ<1950	2759	5543	33
НКРЯ>1950	4585	3004	60

Сравнив Таблицы 2 и 3, можно видеть, что засвидетельствованное нами ранее предпочтение InsC у одушевленных имен (т. е. более высокий процент случаев InsC у одушевленных существительных, чем у всех существительных в среднем) наблюдается в корпусе текстов как до, так и после 1950 г. Обратим внимание, что даже после 1950 г. процент InsC (60%) не достигает процента, который в работе [Krasovitsky et al. 2008] зафиксирован для класса имен, имеющих наименьшее предпочтение InsC (87%). Таким образом, обнаруженный авторами высокий процент InsC не подтверждается на данных НКРЯ. Заметим, что диахроническое изменение в распределении NomC и InsC для одушевленных имен так же, как и для существительных в целом, небольшое (хи-квадрат = 1177.55, df = 1, P < 0.0001, V = 0.27).

Подытоживая все выше сказанное, можно сказать, что NomC значительно более частотна, чем утверждается в [Krasovitsky et al. 2008]. Хотя процент InsC и возрастает, тем не менее распределение NomC и InsC после 1950 г. изменилось не очень сильно (изменение характеризуется небольшим статистическим эффектом).

Не подтвердились на НКРЯ и данные о распределении одушевленных и неодушевленных имен: в противоположность тому, что утверждалось в [Krasovitsky et al. 2008], оказалось, что одушевленные имена используются в InsC чаще, чем неодушевленные.

Существенное различие между нашими результатами и результатами, представленными в [Krasovitsky et al. 2008], объясняется двумя факторами. Во-первых, в работе [Krasovitsky et al. 2008] была сделана попытка равномерно представить разные глагольные формы в выборке, и в результате получилось распре-

деление, не соответствующее распределению в НКРЯ. Для того чтобы выяснить распределение *InsC* и *NomC* с разными формами глагола *быть*, мы провели дополнительное корпусное исследование и выяснили, что форма, в которой реже всего (среди форм, допускающих обе конструкции) встречается *InsC*, — прошедшее время — представлена в базе, использованной в [Krasovitsky et al. 2008], в 74% примеров, в то время как в НКРЯ эта форма представлена в 95% найденных примеров. Таким образом, в данных, проанализированных в [Krasovitsky et al. 2008], формы, которые предпочитают *InsC*, встречаются чаще, чем в НКРЯ, что в свою очередь дает переоценку общего числа употреблений *InsC*.

Во-вторых, из выборки в работе Красовицкого и др. полностью исключены примеры со связкой *есть/суть*, составляющие значительную часть употреблений *NomC*. Именно в этих примерах наиболее часто используются неодушевленные имена, и при исключении этих примеров из рассмотрения получается, что одушевленные имена предпочитают *InsC*. Если же рассмотреть все одушевленные и неодушевленные имена, включая те, которые употребляются со связкой *есть/суть*, то мы увидим семантически ожидаемое предпочтение: одушевленные существа, которые легче подвергаются изменениям, предпочитают *InsC*, указывающую на произошедшие изменения. Более подробно различия между базой данных, использованной в исследовании Красовицкого и др., и НКРЯ рассмотрены в [Kuznetsova 2013a, 2013b].

Но самое интересное в этой полемике для нас вовсе не статистика как таковая (и ее уточнение), а статистика как неожиданное средство для подтверждения выдвинутой нами семантической гипотезы. Действительно, те реальные различия в поведении одушевленных и неодушевленных существительных, которые мы обнаружили, проверяя чужое исследование, могут служить дополнительным аргументом в пользу предложенного нами здесь семантического описания *DepC* и *AgrC*.

7. Заключение

В данной работе мы рассмотрели две русские конструкции: депиктивную конструкцию с прилагательным в творительном падеже и атрибутивную конструкцию с согласованным определением. Мы показали, что при традиционном подходе к этим кон-

струкциям часто отсекается существенная часть примеров, а именно рассматриваются только предложения, в которых при помощи депиктивной конструкции выражается вторичная предикация. Мы же включаем в рассмотрение примеры с глаголами, имеющими валентность на признак, такие как *стать*, *сделать*, *казаться*, *считать*. Наш анализ свидетельствует, что такие предложения обладают той же семантикой, что и примеры со вторичной предикацией, более того, добавленные нами случаи на самом деле являются прототипическими для DepC, и часть из них являются прототипическими для AgrC, так что их описание необходимо для понимания того, как эти конструкции устроены.

Мы показали, что депиктивная конструкция используется тогда, когда ситуация включает в себя контраст. Сложность заключается в том, что это семантическое ограничение может быть реализовано и за счет прилагательного, и за счет глагола — поэтому только SxG как модель, в которой принимаются во внимание одновременно свойства нескольких переменных, является теоретическим подходом, в рамках которого можно описать, как функционируют депиктивы в русском языке. Атрибутивная конструкция выбирается в тех ситуациях, когда объекту приписывается некоторый признак. Это семантическое ограничение объясняет взаимную дистрибуцию депиктивной и атрибутивной конструкций: для тех ситуаций, которые удовлетворяют обоим семантическим ограничениям, годятся обе конструкции; те, которые содержат контраст, описываются депиктивной конструкцией; для ситуаций, в которых просто приписывается признак, без контраста, используется атрибутивная конструкция.

Выяснилось, что использование творительного падежа в депиктивной конструкции не случайно, а тесно связано со значением визуального восприятия, важного как для творительного падежа, так и для депиктивной конструкции. Мы показали, что слухи о смерти NomC — конструкции, тесно связанной с AgrC, — сильно преувеличены: эта конструкция до сих пор свободно используется в русском языке, что демонстрируют примеры в НКРЯ. Выявленные нами семантические ограничения объясняют статистическое распределение конструкций, и это дополнительно подтверждает справедливость предложенного анализа.

Литература

- Апресян 1967 — Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М.: Наука, 1967.
- Апресян (рук.) 2003 — Ю. Д. Апресян (рук.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3. М.: Языки славянской культуры, 2003.
- Апресян 2009 — Ю. Д. Апресян. Исследования по семантике и лексикографии. Т. I. Парадигматика. М.: Языки славянских культур, 2009.
- Арутюнова (отв. ред.) 1989 — Н. Д. Арутюнова. Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989.
- Борковский, Кузнецов 1965 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. 2 изд. М., 1965.
- Гиро-Вебер 1996 — М. Гиро-Вебер. Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке // А. В. Бондарко (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность. СПб.: Наука, 1996. С. 65–79.
- Зализняк 2006 — Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления [Серия *Studia philologica*]. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Зельдович 2005 — Г. М. Зельдович. Русское предикативное имя: согласованная форма, творительный падеж // Вопросы языкознания 4, 2005. С. 21–38.
- Никунласси 1993 — А. Никунласси. Именительный или творительный?: синтаксические прилагательные при полнознаменательных глаголах в русском языке: проблемы выбора падежа. Helsinki, 1993.
- Панов 1999 — М. В. Панов. Позиционная морфология русского языка. М.: Наука, 1999.
- Рахилина, Кузнецова 2010 — Е. В. Рахилина, Ю. Л. Кузнецова. Грамматика Конструкций: теории, сторонники, близкие идеи // Е. В. Рахилина (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–82.
- Рахилина 2000 — Е. В. Рахилина. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.
- Рахилина (отв. ред.) 2010 — Е. В. Рахилина (отв. ред.). Лингвистика конструкций. М.: Азбуковник, 2010.
- Руде 2005 — Р. Руде. Предикативное прилагательное и типы предложений в русском языке // Вопросы языкознания 3, 2005. С. 80–102.
- Якобсон 1936 — Р. О. Якобсон. К общему учению о падеже // Р. О. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.

- Ardid-Gumiel 2001 — A. Ardid-Gumiel. The syntax of Depictives, Subjects, Modes of Judgements and I-L/S-L Properties // N. Zhang (ed.). ZAS Papers in Linguistics 26. Berlin: ZAS, 2001. P. 61–86.
- Bailyn 2001 — J. Bailyn. The syntax of Slavic predicate Case // G. Jäger, A. Strigin, C. Wilder, N. Zhang (eds.). ZAS Papers in Linguistics 22. Berlin: ZAS, 2001. P. 1–26.
- Barbiers 2000 — S. Barbiers. On the Interpretation of Movement and Agreement: PPs and Binding // H. Bennis, M. Everaert, E. Reuland (eds.). Interface Strategies: Proceedings of the colloquium, Amsterdam, 24–26 September 1999 [KNAW Series]. Amsterdam: Elsevier, 2000. P. 21–36.
- Bybee 2007 — J. Bybee. Frequency of Use and the Organization of Language. Oxford: Oxford University Press, 2007.
- Carlson 1977 — G. Carlson. Reference to Kinds in English. PhD Thesis. University of Massachusetts, Amherst, 1977.
- Carlson 1980 — G. Carlson. Reference to Kinds in English. New York: Garland Publishing, 1980.
- Cruse 1986 — A. Cruse. Lexical Semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
- Filip 2001 — H. Filip. The Semantics of Case in Russian Secondary Predication // R. Hastings, B. Jackson, Z. Zvolenszky (eds.). Semantics and Linguistic Theory (SALT) XI. Ithaca: CLC Publications, Department of Linguistics, Cornell University, 2001. P. 192–211.
- Fillmore 1989 — Ch. J. Fillmore. Grammatical construction theory and the familiar dichotomies // D. Rainer, C. F. Graumann (eds.). Language Processing in Social Context. North Holland: Elsevier Publishers, 1989. P. 17–38.
- Garde 1988 — P. Garde. Pour une method bisynchrone // Travaux du Cercle linguistique d'Aix-en-Provence 6, 1988. P. 63–78.
- Goldberg 1995 — A. E. Goldberg. A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
- Goldberg 2006 — A. E. Goldberg. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language. Oxford: Oxford University Press, 2006.
- Guiraud-Weber 1993 — M. Guiraud-Weber. La méthode bisynchrone dans la description de l'adjectif attribut en russe moderne // Revue des Études slaves LXV/1, 1993. P. 81–95.
- Gustavson 1976 — S. Gustavson. Predicate Adjectives with the Copula *byt'* in Modern Russian. Stockholm: Civiltryck AB, 1976.
- Himmelman, Schultze-Berndt 2005 — N. P. Himmelman, E. F. Schultze-Berndt. Secondary Predication and Adverbial Modification. The Typology of Depictives. Oxford University Press, 2005.

- Hinterhoelzl 2001 — R. Hinterhoelzl. Semantic constraints on case assignment in secondary adjectival predicates in Russian // G. Jäger, A. Strigin, C. Wilder, N. Zhang (eds.). *ZAS Papers in Linguistics* 22. Berlin: ZAS, 2001. P. 99–112.
- Janda 1993 — L. Janda. *A Geography of Case Semantics: The Czech Dative and the Russian Instrumental*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Kilby 1986 — D. Kilby. The instrumental in Russian: On Establishing a Consensus // R. Brecht, J. Levine (eds.). *Case in Slavic*. Ohio: Slavica Publishers, Inc. P. 323–337.
- Krasovitsky et al. 2008 — A. Krasovitsky, A. Long, D. Brown, M. Baerman, G. Corbett. Predicate nouns in Russian // *Russian Linguistics* 32, 2008. P. 99–113.
- Kuznetsova 2013a — J. Kuznetsova. Diachronic distribution of predicate nouns in Russian // *Russian Linguistics* 37(1), 2013. P. 51–60.
- Kuznetsova 2013b — J. Kuznetsova. *Linguistic Profiles: Correlations between Form and Meaning*. PhD Thesis. University of Tromsø, 2013.
- Kuznetsova, Rakhilina 2010 — J. Kuznetsova, E. Rakhilina. Russian Depictives and Agreeings // G. Zybatow, P. Dudchuk, S. Minor, E. Pshehotskaya (eds.). *Formal Studies in Slavic Linguistics Proceedings of Formal Description of Slavic Languages 7.5*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2010. P. 303–320.
- Nichols 1981 — J. Nichols. *Predicate Nominals: A Partial Surface Syntax of Russian*. Berkley: University of California Press, 1981.
- Rakhilina, Tribushinina 2010 — E. Rakhilina, E. Tribushinina. The Russian instrumental-of-comparison: constructional approach // M. Grygiel, L. A. Janda (eds.). *Slavic Linguistics in a Cognitive Framework*. Frankfurt — New York: Peter Lang, 2010. P. 145–174.
- Strigin, Demjanow 2001 — A. Strigin, A. Demjanow. Secondary predication in Russian // *ZAS Papers in Linguistics* 25. Berlin: ZAS, 2001. P. 1–79.
- Stump 1985 — G. Stump. *The Semantic Variability of Absolute Constructions: Synthese Language Library*. Dordrecht: Reidel, 1985.
- Timberlake 2004 — A. Timberlake. *A Reference Grammar of Russian*. Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
- Wierzbicka 1980 — A. Wierzbicka. *The Case for Surface Case*. Ann Arbor: Karoma, 1980.